
**ОБ ОТДЕЛЬНЫХ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ СТАТУСАХ
СУБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ:
СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ С УПК
РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН**

Козубенко Юрий Вячеславович,
*доктор юридических наук, доцент,
начальник Управления международного
сотрудничества Уральского государственного
юридического университета
имени В.Ф. Яковлева, профессор кафедры
права Уральского государственного
юридического университета имени Первого
Президента России Б.Н. Ельцина*

Думается, что не «откроем Америки», если будем исходить из следующего утверждения:

Процессуальная дееспособность субъекта преступления напрямую зависит от момента присвоения ему соответствующего процессуального статуса при производстве по уголовному делу.

Как правило, субъект преступления в уголовном судопроизводстве трансформируется в процессуальную фигуру подозреваемого, обвиняемого, и с момента наступления событий, указанных в ч. 1 ст. 46 или ч.1 ст. 47 УПК РФ, и приобретает процессуальную дееспособность.

В случае отклонения от этого общего правила возможны варианты, напрямую связанные с материально-правовой презумпцией вменяемости субъекта преступления, как и в случае с его процессуальной правоспособностью, которая отсутствует при опровержении презумпции достижения им возраста уголовной ответственности.

Еще раз подчеркнем – с момента вынесения соответствующего процессуального акта (к примеру, постановления о привлечении в качестве обвиняемого) у лица возникает процессуальная дееспособность, до этого момента он процессуально фактически недееспособен.

Процессуальная правоспособность возникает в момент фактического появления способности иметь процессуальные права и нести соответствующие обязанности, поскольку *процессуальный статус* субъекта преступления устанавливается **исходя из фактического его положения** и лишь процессуально оформляется постановлением следователя (дознателя), но не формируется им. К таким же выводам приходит правоприменительная и судебная практика высших судов Российской Федерации [1].

Особенности вменяемости субъекта преступления на различных стадиях уголовного судопроизводства напрямую влияет на его процессуальную дееспособность.

Так, если лицо совершило запрещенное уголовным законом деяние в состоянии невменяемости или у него после совершения преступления наступило психическое расстройство, делающее невозможным назначение наказания или его исполнение, то такой участник уголовного судопроизводства может быть признан процессуально недееспособным, если его психическое состояние не позволяет ему осуществлять процессуальные права, предусмотренные ст. 46 и 47 УПК РФ (ч.1 ст. 437 УПК РФ), или участвовать в судебном заседании (ч. 1 ст. 441 УПК РФ). При этом правоприменитель каждый раз при решении данного вопроса должен прибегать к помощи экспертов, участвующих в производстве судебно-психиатрической экспертизы, а при необходимости и к медицинскому заключению психиатрического стационара. Поэтому считать, что этот участник уголовного судопроизводства всегда процессуально недееспособен, было бы неправильным, поскольку уголовно-правовой аспект невменяемости лица не всегда имеет юридическое значение при определении его процессуальной дееспособности. К схожим выводам приходят и специалисты в области психиатрии, утверждая, что «назначение принудительных мер медицинского характера осуществляется с соблюдением правил, гарантирующих от возможного ущемления прав человека, обладающего фактически меньшей процессуальной дееспособностью, чем остальные граждане» [2, 117].

Кроме того, уголовный закон знает случаи уменьшенной вменяемости (ст. 22 УК РФ), случаи отставания в психическом развитии несовершеннолетнего, не связанного с психически расстройством (ч.3 ст. 20 УК РФ), а также случаи состояния опьянения вследствие употребления алкоголя, наркотических средств или иных одурманивающих веществ (ст. 23 УК РФ). И что характерно, все эти случаи актуальны и значимы для уголовного закона лишь в момент совершения деяния, тогда как для уголовно-процессуального закона – в момент производства по уголовному делу (ст. 4 УПК РФ).

По общему правилу уголовно-процессуальный закон не ограничивает вышеперечисленных лиц в процессуальной дееспособности. Вместе с тем, ч.4 ст. 433 УПК РФ производит процессуальную градацию на лиц, в отношении которых ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера с учетом их психического состояния в момент производства по уголовному делу, и на лиц, страдающих психическими расстройствами, не исключающими вменяемости, или расстройством сексуального предпочтения (педофилией), без учета их психического состояния в момент производства по уголовному делу (в отношении последних производство о применении принудительных мер медицинского характера не допускается, но сами меры могут быть назначены).

Итак, получается, что даже если органам уголовного судопроизводства становится достоверно известно об имеющихся у субъекта преступления расстройствах, в отношении таких лиц действует *презумпция процессуальной дееспособности* до тех пор, пока экспертным путем не будет установлено, что у них отсутствует способность самостоятельно защищать свои права и законные интересы в уголовном судопроизводстве (п. 3. ч 1 ст. 196 УПК РФ). В таких случаях участие защитника в уголовном судопроизводстве признается обязательным, поскольку подозреваемый, обвиняемый не может осуществлять свое право на защиту в силу психических недостатков (п.3 ч.1 ст. 51 УПК РФ). Защитник «при таких обстоятельствах соединяет свои функции с законным

представительством» [2, 47], а прокурор предъявляет по уголовному делу гражданский иск, если этого требует охрана прав такого обвиняемого, подозреваемого (ч. 6 ст. 246 УПК РФ).

Отметим – такое лицо, совершившее преступление (субъект преступления), в соответствии с российским уголовно-процессуальным законом статусом обвиняемого не пользуется, однако согласно ч.1 ст. 437 УПК РФ такому лицу должно быть предоставлено право лично осуществлять принадлежащие ему процессуальные права подозреваемого, обвиняемого (ст.ст. 46,47 УПК РФ). Это вовсе не означает, что его показания, которые «могут учитываться судом при оценке его психического состояния, а также опасности лица для самого себя или других лиц либо возможности причинения им иного существенного вреда, при определении вида принудительной меры медицинского характера» [3], расцениваются в качестве показаний подозреваемого, обвиняемого. Считается, что оно занимает процессуальное положение участника «группы обвиняемого».

По нашему мнению, такое особое процессуальное положение данного лица достаточным образом регламентировано в ст. 437 УПК РФ, но в силу особенностей доказывания часть вторую ст. 74 УПК РФ следовало бы дополнить показаниями лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, и его законного представителя, иначе судебной практикой показания первого так и будут не рассматриваться в качестве источника доказательств по делу [4], а показания второго, наоборот, – только в качестве показаний свидетеля [5].

Весьма странным выглядит и то обстоятельство, что статьей 434 УПК РФ предмет доказывания расширен, а перечень средств доказывания нет, при том, что показания такого лица могут учитываться судом при оценке его психического состояния, а также опасности лица для самого себя или других лиц либо возможности причинения им иного существенного вреда, при определении вида принудительной меры медицинского характера (п. 16 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 07.04.2011 №6).

Аналогичная ситуация просматривается и по уголовно-процессуальному законодательству Республики Узбекистан (ст. ст. 81, 82, 566 УПК Республики Узбекистан). Правда, узбекский законодатель обстоятельства, подлежащие доказыванию в этой форме уголовного судопроизводства дифференцировал следующим образом:

А) по делу о преступлении лица, у которого впоследствии возникло психическое расстройство, подлежит доказыванию наличие у лица психического расстройства, возникшего после совершения преступления и исключающего применение наказания.

Б) по делу о совершении общественно опасного деяния в состоянии невменяемости доказыванию подлежат:

1) обстоятельства, предусмотренные в пунктах 1, 2 и 5 статьи 82 УПК Республики Узбекистан;

2) наличие у лица в момент совершения деяния хронического или временного психического расстройства, слабоумия или иного психического расстройства, вследствие которого лицо находилось в состоянии невменяемости, то есть не могло осознавать значение своих действий (бездействия) или руководить ими;

3) состояние психики этого лица ко времени производства дознания, предварительного следствия и судебного разбирательства.

В) по делу лица, у которого возникло психическое расстройство после совершения преступления, а равно по делу лица, совершившего общественно опасное деяние в состоянии невменяемости, подлежат доказыванию обстоятельства, дающие основания решить, представит ли дальнейшее поведение лица опасность для него самого и окружающих, нуждается ли оно в лечении, есть ли необходимость применить к нему принудительные меры медицинского характера и какие именно.

Необходимо также отметить, что процессуальный статус лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, после вынесения судом постановления о применении принудительных мер медицинского характера, не «трансформируется» (как в случае с обвиняемым) в статус осужденного, а, следовательно, сроки давности

не прерываются, а продолжают исчисляться, что само по себе алогично [6] (ст. 78 УК РФ, ст. 64 Уголовного кодекса Республики Узбекистан).

В связи с чем, на практике происходит парадоксальная ситуация. Так, поскольку согласно ст. 103 УК РФ принудительное лечение в психиатрическом стационаре приравнивается к уголовному наказанию в виде лишения свободы (один день пребывания в психиатрическом стационаре = один день лишения свободы), то получается, что такое лицо может фактически бессрочно «отбывать наказание», так как срок последнего определен моментом излечения.

С другой стороны, при истечении сроков давности уголовного преследования независимо от наличия и характера заболевания лица суд своим постановлением о прекращении уголовного дела может его освободить как от уголовной ответственности, так и от наказания, причем не испрашивая на то согласия этого лица (как это предписано в ч.2 ст. 27 УПК РФ), так как при данном виде производства обвинительный приговор не постановляется (ч.ч. 2-4 ст. 443 УПК РФ).

Вместе с тем, по нашему глубокому убеждению, нормы общей части уголовного закона, в том числе и гл. 11 УК РФ, и гл. XII УК Республики Узбекистан, являются регулятивными, устанавливают (где-то явно, где-то неявно) процедуру, например, применения сроков давности уголовного преследования. Правда, в уголовно-процессуальном смысле лучше бы они этого не делали и вот почему.

Если раньше по ст. 48 УК РСФСР срок давности исчислялся на момент вынесения постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого (по делам, по которым предварительное расследование не проводилось, - на момент назначения судебного заседания) [7], то сейчас как по ст. 78 УК РФ, так и по ст. 64 Уголовного кодекса Республики Узбекистан – на момент *вступления в силу* приговора суда, что не подразумевает никакого иного процессуального акта, поскольку применение уголовного закона по аналогии не допускается (ч.2 ст. 3 УК РФ). Думается, было бы совершенно правильным и логичным допустить аналогию регулятивных норм общей части уголовного закона, а не запрещать применять по аналогии весь закон.

С данным мнением соглашается и Верховный суд РФ, разъяснив, что указание в ч.2 ст. 78 Уголовного кодекса РФ на вступление в силу приговора суда не означает невозможность применения положений статьи 78 УК РФ в тех случаях, когда при рассмотрении дела по существу судом вынесено иное, кроме приговора, итоговое решение.

Не менее интересная ситуация складывается с процессуальным статусом субъекта преступления «Лицо, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве» (ст. 56.1 УПК РФ).

С одной стороны, если следовать буквальной логике законодателя, лицо, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве, наделяется правами свидетеля (ч. 2 ст. 56.1 УПК РФ).

С другой стороны, лицо, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве, не предупреждается об ответственности за дачу заведомо ложных показаний либо отказ от дачи показаний в соответствии со статьями 307 и 308 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Во втором случае получается, что это никто иной как подозреваемый или обвиняемый, который по общему правилу не несет уголовную ответственность за дачу заведомо ложных показаний либо отказ от дачи показаний в соответствии со статьями 307 и 308 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Тогда как относиться к такому процессуальному статусу субъекта преступления, который как бы одновременно и свидетель, и несвидетель (т.е. обвиняемый/подозреваемый)? Показания такого «свидетеля» могут быть ложными и уголовный закон к ним относится нейтрально, как показаниям подозреваемого/обвиняемого.

Аналогия уголовно-процессуального закона в таких случаях явно неприменима.

В этом смысле формулировки уголовно-процессуального закона Республики Узбекистан представляются более удачными.

Так, нормы гл. 62.1 УПК Республики Узбекистан (введена Законом Республики Узбекистан от 18 февраля 2021 года № ЗРУ-675) [8], а именно абз. 7 ст. 586.3 устанавливает, что в случае, если после того, как прокурор объяснит подозреваемому, обвиняемому, заявившему ходатайство о заключении соглашения о признании вины, что если после вынесения приговора суда с назначением наказания на основании соглашения, выяснится, что подозреваемый, обвиняемый дал заведомо ложные показания или умышленно скрыл какие-либо важные и имеющие значение для дела сведения, не выполнил условия и обязательства, предусмотренные в соглашении, то приговор может быть пересмотрен.

Во-первых, узбекский федеральный законодатель не стал вводить нового участника уголовного судопроизводства в группе «иных участников» по аналогии с российским УПК, а назвал «вещи своими именами» – никакой это не отдельный участник в виде суррогата подозреваемого/обвиняемого и свидетеля, а во-вторых, ввел четкие процессуальные последствия, наступающие в случае установления ложности показаний такого субъекта преступления.

К сожалению, российский законодатель занял половинчатую позицию в этом вопросе, предусмотрев лишь случай отказа такого лица от дачи показаний:

В случае отказа от дачи показаний для лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве, наступают предусмотренные главой 40.1 УПК РФ последствия несоблюдения им условий и невыполнения обязательств, предусмотренных досудебным соглашением о сотрудничестве (ч. 3 ст. 56.1 УПК РФ).

Как видим, с развитием дифференциации процессуальной формы законодатели разных стран по-разному относятся к необходимости дифференциации процессуальных статусов субъекта преступления.

Список использованной литературы:

1. Постановление Пленума Верховного суда РФ от 29.06.2010 № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве», постановление Конституционного Суда РФ от 27.06.2000 N 11-П, а также положения ч. 2 ст. 2 ФЗ от 20.08.2004 N 119-ФЗ (ред. от 30.11.2011) «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства».
2. Алмазов Б.Н. Правовая психопатология: Учебное пособие – Екатеринбург: Издательский дом УрГЮА. 2004, С. 117.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07.04.2011 №6 «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. №7.
4. Постановление Пленума Верховного суда СССР от 26.04.1984 №4 «О судебной практике по применению, изменению и отмене принудительных мер медицинского характера» (утр. силу) // Бюллетень Верховного Суда СССР. 1984. №3.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07.04.2011 №6 «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. №7.
6. В соответствии со ст. 78 УК РФ и ст. 64 УК Республики Узбекистан срок давности исчисляется до момента вступления приговора в законную силу, а не постановления (определения) суда о применении принудительной меры медицинского характера.
7. Бюллетень Верховного суда РСФСР. 1973. № 11.
8. Национальная база данных законодательства, 18.02.2021 г., № 03/21/675/0126. // <https://lex.uz/docs/111463#259410>